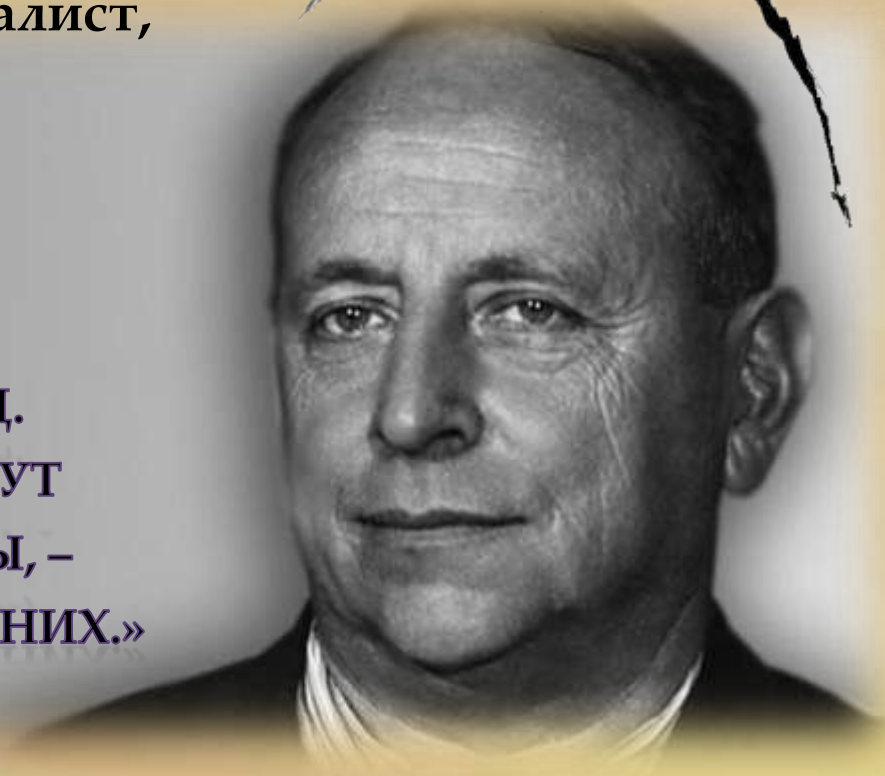

ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ И ТАЙНА ДРАКОНА

21 октября 1896 года родился Евгений Львович Шварц – русский советский прозаик и драматург, поэт, журналист, сценарист.

«СЛАВА ХРАБРЕЦАМ, КОТОРЫЕ
ОСМЕЛИВАЮТСЯ ЛЮБИТЬ, ЗНАЯ,
ЧТО ВСЕМУ ЭТОМУ ПРИДЕТ КОНЕЦ.
СЛАВА БЕЗУМЦАМ, КОТОРЫЕ ЖИВУТ
ТАК, КАК БУДТО ОНИ БЕССМЕРТНЫ, –
СМЕРТЬ ИНОЙ РАЗ ОТСТУПАЕТ ОТ НИХ.»

Евгения Шварца, который гениально умел писать сказки, советская власть всю жизнь вытесняла в нишу серьёзного писателя. Он и сам почему-то считал, что занимается чем-то не тем, чем-то глубоко несерьёзным. Вот настоящие люди прозу пишут. Поэтому Шварц, например, брал на себя такое нечеловечески для него трудное задание — своими дрожащими руками и чудовищным своим почерком он должен был обязательно в день написать одну страницу прозы.

Ему всегда казалось, что он чрезвычайно ленив. Когда он однажды за три дня написал 10 страниц сценария Дон Кихота, он записал в дневнике, что потрясён собственной производительностью.

Шварц, как птица певчая, никогда не работал. А когда работал, у него это не получалось. Он мог писать только тогда, когда ему хотелось, и столько, сколько ему хотелось.

Шварц обладал одним совершенно фантастическим качеством. В силу своей домашности, необычайной интеллигентности, привязанности к семье, любви к матери, в силу своей полукровчатости, вечной половинчатости он был человеком не склонным к твёрдости, решимости и моральному диктату.

В дневниках очень хорошо видно, что он всех оправдывал, старался всем подыскать какие-то мотивировки. Он испытывал ненависть только к тем людям, которым доставляло удовольствие унижать и мучить других.

Но вот будучи человеком мягким, и чаще всего податливым, и не особенно решительным, Шварц был человеком отчаянной храбрости.

У него это всегда происходило спонтанно. Для него унижение собственным страхом было совершенно непереносимо. И в какой-то момент он срывался.

«К этому времени воцарилась во всей стране чума. Как еще назвать бедствие, поразившее нас? От семей репрессированных шарахались, как от зачумленных. Да и они вскоре исчезали, пораженные той же страшной заразой. Ночью по песчаным, трудным для проезда улицам Разлива медленно пробирались, как чумные повозки за трупами, машины из города за местными и приезжими жителями, забирать их туда, откуда не возвращаются.»

В 1938-м году от Шварца требовали покаяться, что он вместе с разоблачённым вредителем Николаем Олейниковым принимал участие в сознательном написании плохого сценария.

«Я должен был ответить за свои связи с врагом народа. Единственное, что я сказал: «Олейников был человеком скрытным. То, что он оказался врагом народа, для меня полная неожиданность».

После этого спрашивали меня, как я с ним подружился. Где. И так далее. Так как ничего порочащего Олейникова тут не обнаружилось, то наивный Зельцер,

драматург, желая помочь моей неопытности, подсказал: «Ты, Женя, расскажи, как он вредил в кино, почему ваши картины не имели успеха». Но и тут я ответил, что успех или неуспех в кино невозможно объяснить вредительством. Я стоял у тощеньких колонн гостиной рококо, испытывая отвращение и ужас, но чувствуя, что не могу выступить против Олейникова, хоть умри.»

Эта удивительная черта Шварца, эта его удивительная способность к внезапной самоотверженной храбрости, иногда заставляла его в самом деле писать и говорить вещи, о которых бы любой другой промолчал.

Николай Олейников

Шварц отличался от большинства современников не только этими безумными и внезапными проявлениями храбрости, решимости, крика, не только абсолютной честностью перед собой и абсолютной душевной чистотой, которую невозможно имитировать.

Его шкала ценностей была очень сильно смещена к норме. Он понимал, что живёт в те времена, когда нормальные человеческие связи на глазах рвутся, когда человечность бесконечно скомпрометирована. И окружён он в общем не людьми, а сверхчеловеками.

Поэтому Шварц — это почти демонстративное, вызывающее отклонение к норме.

Шварц все время взывает к той самой человечности, которая в это время почти неприлична. И именно она стала главным дефицитом.

Всегда считается, что Шварц написал две трилогии. И действительно они группируются так, его пьесы — «Голый король» [1934], «Клад» [1934], «Снежная королева» [1939] (ранняя трилогия), и три главные пьесы Шварца, которые составили ему абсолютную мировую славу и сделали его главным драматургом своего времени.

Можно себе представить, как хохотал бы Шварц, если бы его кто-то назвал главным драматургом поколения, которое дало, например, Алексея Арбузова, Александра Володина, Николая Погодина, автора трилогии о Ленине. Ну кто бы поверил, что из всех людей, родившихся в первые годы XX-го века самым популярным и ставящимся в мире окажется этот сказочник, который вечно проходил по какой-то маргинальной линии?

Только один из его современников понимал, что рядом с ним гений. Это Акимов, главреж ленинградской комедии, который, собственно, и называл его и «нашим Перро», и «нашими братьями Гримм».

Но Шварц сам был бы потрясён. А между тем эти три пьесы (вторая трилогия), конечно, выводят его в первые ряды мировых драматургов: это «Тень» [1940], «Дракон» 1943-го года (поставленный впервые 20 лет спустя) и это «Обыкновенное Чудо» (которое он в 1944 году задумал и 10 лет писал).

Шварц направлен на то, чтобы от эстетики, от сверхцелей, от задач эпохи обернуться к старой доброй этике. И именно поэтому, строго говоря, общий тон его пьес — это отчаяние.

Во всех пьесах Шварца три финала. Ну во всяком случае в лучших его серьёзных пьесах.

Первый финал — как бы благополучный. Все получилось. Ну на примере «Обыкновенного чуда» — это принц догнал принцессу в гостинице.

И вот в этом-то как раз все подготовлено, сейчас будет счастливый финал. Сейчас он её поцелует. И тут отчаяние прорывается. И наступает финал второй. Он её не целует.

«А бывают сказки, которые кончаются плохо. А ничего не поделаешь, а я ничего сделать не могу. Принцесса сейчас умрёт. Дайте ей со всеми попрощаться. Отойдите спокойно, дети прощаются».

И вот это второй финал пьесы, в котором все плохо. Шварц учит нас приноравливаться к тому, что все может быть плохо.

Шварц любит довести все до пика отчаяния. При этом он ничего не осовременивает, ещё раз. Он осовременивает только одно: он переводит коллизию в другой план. Вас учили, что будет хорошо? Нет, сейчас вы увидите, как все будет на самом деле.

Принцесса умрёт, Медведь навеки опечалится, и превратится возможно в медведя. А более того, самое страшное, и это действительно произойдёт, Волшебник-то на беду свою бессмертен, он говорит жене: «Мне предстоит пережить тебя и затосковать навеки. Но тем не менее я отваживаюсь тебя любить». Все плохо в конце «Обыкновенного чуда».

Так вот шварцевский катарсис в финале — он всегда той природы, что описано так точно в «Драконе». *«Вот моя скрипка. Я сделал её из хлебного мякиша и паутины. Маленькая это скрипка, и играет она невесело»*. Вот это то, что говорит музыкант, вернувшийся из заключения. Ужас в том, что из заключения нельзя вернуться.

*«Бессмысленная радость бытия.
Иду по улице с поднятой головой.
И, щурясь, вижу и не вижу я
Толпу, дома и сквер с кустами и травой.
Я вынужден поверить, что умру.
И я спокойно и достойно представляю,
Как нагло входит смерть в мою нору,
Как сиротеет стол, как я без жалоб погибаю.
Нет. Весь я не умру. Лечу, лечу.
Меня тревожит солнце в три обхвата
И тень оранжевая. Нет, здесь быть я не хочу!
Домой хочу. Туда, где я бывал когда-то.
И через мир чужой врываюсь я
В знакомый лес с березами, дубами,
И, отдохнув, я пью ожившими губами
Божественную радость бытия.»*

«Разумеется, я останусь королём, потому что больше я ни на что не гожусь».

Пьесу «Голый король» Шварц написал по мотивам сказок Ганса Христиана Андерсена «Новое платье короля», «Свинопас» и «Принцесса на горошине» еще в 1934 году. Именно она впоследствии принесла ему широкую известность, но при жизни автора ни до читателя, ни до зрителя ее так и не допустили.

Слишком опасным для «главных идеологов» показался текст – за простодушной сказочной формой Шварца скрывалась ирония, хотя сам автор до последнего просил не искать аллегории и подтексты в своих сказках.

Немыслимый в сталинской стране «Голый король» впервые был поставлен в театре «Современник» только в 1960 году. «Актеры «Современника» сыграли сказку Шварца с отвагой канатоходцев, балансирующих над пропастью. Сказочный колорит не помешал им сохранить сходство министров, королей, официальных поэтов и придворных с совсем не сказочными советскими прототипами.»

Король. Какой ужас! Моя дочь целуется

со свинопасом! Зачем ты это сделала?

Принцесса. Так мне захотелось.

Король. Захотелось целоваться?

Принцесса. Да.

*Король. Пожалуйста! Завтра же я отдам
тебя замуж за соседнего короля.*

Принцесса. Ни за что!

Король. А кто тебя спрашивает!

Принцесса. Я ему выщиплю всю бороду!

Король. Он бритый.

Принцесса. Я ему выдеру все волосы!

Король. Он лысый.

Принцесса. Тогда я ему выбью зубы!

*Король. У него нет зубов. У него
искусственные зубы.*

*Принцесса. И вот за эту беззубую
развалину ты отдаешь меня замуж!*

Король. Не с зубами жить, а с человеком.

«С тех пор как его величество объявил, что наша нация есть высшая в мире, нам приказано начисто забыть иностранные языки».

«Вы не знаете разве, что наша нация – высшая в мире? Все другие никуда не годятся, а мы молодцы. Не слышали, что ли?»

«...во дворце его величества рот открывать можно только для того, чтобы крикнуть «ура» или исполнить гимн».

«Конечно, мне нечего беспокоиться. Во-первых, я умён. Во-вторых, ни на какое другое место, кроме королевского, я совершенно не годен. Мне и на королевском месте вечно чего-то не хватает, я всегда сержусь, а на любом другом я был бы просто страшен».

«Король не может быть идиотом!..»

(Евгений Шварц. «Гольый король»)

«Тень, знай свое место!»

Создание пьесы глубоко переплетается с созданием первой театральной постановки. Пьеса написана в 1937-1940 году специально для Театра Комедии по идее Николая Акимова, после того как пьеса «Голый король» Шварца была запрещена к показу в этом же театре. Репетиции начались в 1939 году. Пьесу дописывали и правили прямо во время репетиций. Премьера состоялась 12 апреля 1940 года.

*Евгений Шварц на репетиции
«Тени» в Театре Комедии, 1940 год*

«Все люди негодяи, все на свете одинаково, мне все безразлично, я ни во что не верю» – какие явственные признаки злокачественного малокровия, обычного у изнеженных людей, выросших в тепличном воздухе!»

«Слушайте, люди ужасны, когда воюешь с ними. А если жить с ними в мире, то может показаться, что они ничего себе».

Фильм «Тень» 1971 года режиссера Надежды Кошеверовой с несравненным Олегом Далем в главной роли стала одной из лучших ее работ. Также в ленте снялись Людмила Гурченко, Зиновий Гердт, Андрей Миронов, Георгий Вицин и многие другие известные артисты.

«Тень, или Может быть, всё обойдётся» — советский музыкальный фильм по пьесе Евгения Шварца «Тень», снятый режиссёром Михаилом Козаковым в 1991 году.

Ученый. Чем вы живете? Ради чего?

Доктор. Ах, мало ли... Вот поправился больной. Вот жена уехала на два дня. Вот написали в газете, что я все-таки подаю надежды. *Ученый. И только?*

Доктор. А вы хотите жить для того, чтобы как можно больше людей сделать счастливыми? Так и дадут вам чиновники жить! Да и сами люди этого терпеть не могут. Махните на них рукой.

Смотрите сквозь пальцы на этот безумный, несчастный мир.

«Люди не знают теневой стороны вещей, а именно в тени, в полумраке, в глубине и таится то, что придаёт остроту нашим чувствам.»

Пьесу «Дракон» Шварц писал в эвакуации в Сталинабаде с 1942 по 1944 год. За основу он взял фольклорный сюжет Юго-Восточной Азии о драконе, которого нельзя победить, потому что победитель сам превращается в дракона. И лишь юноша с чистыми помыслами способен уничтожить чудовище.

Спектакль был снят с репертуара сразу же после премьеры в Ленинградском Театре Комедии.

*«А взрослые –
осторожный народ.
Они прекрасно знают,
что многие сказки
кончаются печально.»*

Николай Чуковский: «Его пьесы начинаются с блистательной демонстрации зла и глупости во всем их позоре и кончаются торжеством добра, ума и любви. В 1943 году он написал сказку «Дракон» – на мой взгляд, лучшую пьесу свою. Потрясающую конкретность и реалистичность придают ей замечательно точно написанные образы персонажей, только благодаря которым и могут существовать диктатуры, – трусов, стяжателей, обывателей, подлецов и карьеристов. Разумеется, как все сказки на свете, «Дракон» Шварца кончается победой добра и справедливости».

А победой ли? Если мы задумаемся в шварцевские пьесы, мы увидим, что чудес в них практически нет. Единственным настоящим и абсолютным чудом является человеческое сосуществование. Все

остальное бессмысленно. И вот то, как сделать сосуществование людей возможным, это и есть в общем главная шварцевская проблема. Потому что очевидно же совершенно, что в том мире, который последовательно расчеловечен, абсолютно исключено добро. Добро никому не нужно. Оно всех беспокоит и оно никогда не может победить.

Шварц верит, что людей спасти нельзя, что мир спасти невозможно, но можно спасти нескольких одиночек. В этом смысле он, как ни странно, очень совпадает с главным пафосом Булгакова. Помните, в «мастере и Маргарите» - этих людей спасти нельзя, но спаси художника, и имя твое будет благословенно. Спаси художника и его любовь. И это все, что заслуживает спасения. Спаси Анунциату, спаси Ученого, спаси Ланцелота и Эльзу, спаси конкретную Эльзу, потому что нельзя спасти девушек, которые хотят стать невестами Дракона. Они хотят, их невозможно остановить. Пусть они будут счастливы. Но тех, кто не хочет, давай все-таки попробуем спасти.

Как сделать так, чтобы зверь в человеке не возобладал?

Это один из главных сюжетов мировой литературы. И Шварц дает очень прямой ответ: только испытания, которые граничат со смертью. Только область, темная область возле и вокруг смерти.

Это очень страшная догадка. Шварц — чрезвычайно внимательный, вдумчивый исследователь феномена смерти.

Пьесы Шварца проходят всегда не просто на границе смерти, а иногда в такой близости к ней, что ее уже видно.

Шварц верил снам, предчувствиям. Сны в канун войны, очень страшные совершенно ясно говорили ему, что произойдет. Война была осуществлением его сказки. Во-первых, смерть подошла очень близко, и вот в водах этой смерти омылось все общество, чтобы чудесно преобразиться. Во-вторых, победа одержана, но никто не побежден. Зло не побеждено. Побеждено зло фашизма. Но не побеждено зло человеческой природы, которое тут же немедленно начинает мстить, отыгрывать. Которое начинает превращать победу над фашизмом в победу Сталина.

Все это есть в его дневниках 40-х годов. Тогда все боялись писать, а он не боялся. Потому что для него это был способ не сойти с ума. Все прекрасно понимали чем все заканчивается. И отчаянным воплем против этого была, конечно, «Золушка». В которой пытается Шварц чудом сохранить это настроение, это ощущение победы, ощущение очень недолгое.

Екатерина Шульман: «Эта версия классического фольклорного сюжета, при всем уважении к Шварцу, — это немножко такой памятник советской выученной беспомощности, в которой борьба со злом не приводит ни к чему хорошему, а приводит только к усилению этого зла. В некоторой степени это мораль довольно многих современных произведений — нечего бунтовать, вы себе только хуже делаете.

Нет.

Если у вас дракон завелся, то избавиться от него — это вполне хорошее, общественно полезное дело. Другой вопрос, что не этим ограничивается социальное взаимодействие, и, действительно, кооперация лучше конкуренции, выгоднее.

Но, тем не менее, зло существует. И оно заслуживает того, чтобы с ним боролись, так что не надо себя избыточно пугать тем, что стоит вам не просто побороть дракона, а хотя бы помыслить о нем нехорошо, то тут же у вас три головы вырастут. Не вырастут.»

«Я думаю, Шварц ахнул бы, узнав, что до буквальности его сочинения становятся реальным театром на сцене страны.»

Григорий Горин

Надо сказать, что XX-й век дал очень много примеров сверхчеловечности, настоящей сверхчеловечности, кремневой. И оказалось, что жить с этим нельзя. А человеческим голосом — поруганным, несчастным, дрожащим человеческим голосом — говорили в XX-м веке очень немногие. И именно поэтому дрожащий человеческий голос Шварца остаётся с нами навсегда.

«Любите, любите друг друга, да и всех нас заодно, не остывайте, не отступайте – и вы будете так счастливы, что это просто чудо!»

Николай Павлович Акимов, руководитель знаменитого Ленинградского театра комедии и неустанный постановщик Шварца написал так: *«...нашелся все-таки волшебник, который, сохранив власть над детьми, сумел покорить и взрослых, вернул нам, бывшим детям, магическое очарование простых сказочных героев — злых драконов и говорящих котов. Волшебник, ковер-самолет которого по вечерам поднимает сразу тысячу взрослых серьезных людей и мигом уносит их за тридевять земель в утерянный, казалось, мир — в мир сказки...»*

На наше счастье, он оказался не просто волшебником, а добрым и умным волшебником, и, проделав путешествие в его сказочный мир, мы всегда возвращаемся, поняв что-то, чего не понимали, подумав о многом таком, о чем всегда не хватало времени подумать, и немного более склонные к хорошим поступкам, чем обычно».

*«Меня Господь благословил идти,
Брести велел, не думая о цели.
Он петь меня благословил в пути,
Чтоб спутники мои повеселели.*

*Иду, бреду, но не гляжу вокруг,
Чтоб не нарушить божье повеленье,
Чтоб не завывать по-волчьи вместо пенья,
Чтоб сердца стук не замер в страхе вдруг.*

*Я человек. А даже соловей,
Зажмурившись, поёт в глуши своей.»*

https://www.pryamaya.ru/articles/bykov_shvarts. (Расшифровка лекции Дмитрия Быкова «Евгений Шварц и тайна дракона» в лектории «Прямая речь»)
http://vokrugknig.blogspot.com/2016/10/blog-post_21.html.